

МОНУМЕНТАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Древние южнославянские и восточнославянские литературы, а отчасти и западнославянские (в первую очередь чешская) принадлежат к стилю монументального историзма. По существу, в данном случае можно говорить не просто о стиле и даже о «стиле эпохи», но о целой «эстетической формации» (понятие, введенное в науку Александром Флакером¹). Дело в том, что стиль этот захватывает не только все искусства, но в какой-то мере подчиняет себе и естественнонаучные представления, поскольку наука и искусство не были еще четко разделены, а также все бытовые представления о прекрасном. Эта эстетическая формация была характерной не только для Древней Руси, но распространялась и на ряд других стран — южнославянские и Византию в первую очередь, откуда она и явилась на Русь вместе с письменностью и христианским культом.

Однако из всех древнеславянских литератур эстетическая формация монументального историзма отчетливее всего представлена в Древней Руси: от древнерусской литературы сохранилось наибольшее число произведений разнообразных жанров. Именно поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться примерами главным образом из литературы Древней Руси.

¹ *Flaker Aleksandar*. 1) *Stilske farmacije*. Zagreb, 1976, 359 с.; 2) *Stylistic Formation*. — *Neohelicon. Acta comparationis litterarum universalium*, 1975, N 1—2, с. 183—207. В дальнейшем ссылки на общеизвестные древнерусские памятники не даются, ссылки на летописи даются в самом тексте с указанием только года.

Стиль монументального историзма характеризуется прежде всего стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее значимое и красивое представляется монументальным, величественным. Стремясь видеть окружающее в рамках представлений этого стиля, летописцы, авторы житий, церковных слов смотрят на мир как бы с большой высоты или с большого удаления — удаления времени или пространства. В этот период развито особое «панорамное зрение», стремление подчеркивать огромность расстояний, сопрягать в изложении различные, удаленные друг от друга географические пункты, подчеркивать различие общественного положения, создавать произведение, рассчитанное на вечность и на доминирование в окружающем ландшафте — городском и природном. Произведения, скромные по размерам, должны были символизировать что-то большое, значительное, «вечное», напоминать о нем, «сигнализировать».

Эстетически ценно и значительно в это время только то, что может быть представлено большим и мощным и что может быть воспринято с огромных расстояний. Вот почему в летописях действие перебрасывается из одного географического пункта в другой, находящийся в другом конце Русской земли. Рассказ о событии в Новгороде сменяется рассказом о событии во Владимире или в Киеве, далее упоминается событие в Смоленске или Галиче и т. п. Такая особенность летописного повествования создается не только потому, что в летописи обычно соединяются разные по своему географическому происхождению источники. Особенность эта соответствовала самому духу исторического повествования. Она захватывала читателя, увлекала ощущением «пространства истории».

В том, что такого рода «ландшафтное зрение» при изображении исторических событий было эстетической реальностью, а не случайным следствием соединения различных летописных источников — киевских, новгородских, ростовских, владимирских и т. д., убеждает «Поучение» Владимира Мономаха.

В своей автобиографии Мономах ведет повествование так же, как и в летописи: соединяет в едином изложении различные географические пункты. Свою жизнь Мономах воспринимает в крайних географических пределах, до которых он доходил в своих походах, охотах и переездах.

Он доходил до «Чешского леса» на западе, до Волги на востоке, углублялся в половецкую степь на юге, за Сулу, за Хорол, к Дону. Значительность своей жизни он подчеркивает дальностью своих походов, многочисленностью переездов. Он упоминает множество географических пунктов, где он бывал во время своих походов, и именно этим он измеряет свой «труд», дело своей жизни.

Оценивая княжение умершего князя, летописец пишет: «... а се княже седение: мир держа с околными сторонами, с Ляхы и с Немци, с Литвою, одержа землю свою величеством олны по Тотары, а семо по Ляхы, по Литву» (Ипатьевская летопись, под 1289 г.).

Автор «Слова о погибели Русской земли» говорит о ее былом благополучии опять-таки с высоты огромных дистанций: «Отсѣле до Угоръ, и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корѣлы, от Корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху Тоймици погании, и за Дышючим морем, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртасъ, от Буртасъ до Чермисъ, от Чермисъ до Моръдви, — то все покорено было богом хрестияньскому языку поганьскыя страны». В сущности, все «Слово о погибели...» написано как бы с высот этого «ландшафтного зрения».

Приступая к проповеди, или к житию святого, или к историческому сочинению, авторы как бы испытывали необходимость окинуть взором всю землю. Кирилл Туровский так начинает свое «Слово о расслабленном»: «Неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина».² Так же начинается и «Чтение» о Борисе и Глебе. Сама «Повесть временных лет» тоже начинается с описания самых общих судеб вселенной и дает превосходную по своей наглядности географическую картину Русской земли. Автор «Повести» начинает это описание с водораздела великих русских рек — Валдайской возвышенности, на которой помещался «Оковський лес», и далее ведет свое повествование по трем рекам — Днепру, Волхову и Волге, отмечая, в какие моря они впадают и куда можно проехать по этим морям. Этот «прием» позволяет придать удивительную наглядность и конкретность описанию, создать «словесную карту» Руси. Напомню, кстати,

² Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1958, т. 15, с. 331.

и знаменитое начало былины о Соловье Будимировиче, сохраняющее это же ощущение пространства:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.³

Фольклор сохраняет это «панорамное зрение» — особенно в былинах — и до сих пор.

Сознание громадности мира было не только в искусстве, но и в обыденной жизни. Не случайно князья призывали в свидетели своей правоты всю «подънебесную» (Ипатьевская летопись, под 1288 г.).

То же «ландшафтное зрение» в широкой степени сказывается и в «Слове о полку Игореве». Помимо того что повествование непрерывно переходит в «Слове» из одного географического пункта в другой, автор «Слова» все время охватывает многие географические пункты своими призывами, обращениями. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки. Поражает и та «перекличка», которую ведут мифические существа и действующие лица в «Слове». Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля — на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. В концовке «Слова о полку Игореве» девицы поют на Дунае, их голоса вьются через море до Киева.

Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры. Черные тучи, символизирующие врагов Руси, идут от самого моря, хотят прикрыть четыре солнца. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Море присутствует в «Слове», хотя и было далеко от места битвы. Битва как бы наполняет собою всю степь до самого моря, до далекой Тмуторокани.

Многие отвлеченные понятия воспринимались в эпоху монументального историзма в пространственном, ланд-

³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958, с. 9 (серия «Литературные памятники»).

шафтно-географическом аспекте. Это прежде всего касается такого важного феодального понятия, как слава. Слава того или иного князя имела прежде всего пространственное распространение. Она измерялась географическими пределами. Она могла достигать границ Русской земли или переходить за них, захватывая окружающие народы.

«Преставися благоверный и великий князь русский Володимер сын благоверна отца Всеволода, украшенный добрыми нравы, прослувый в победах, его имене трепетаху все страны и по всем землям изиде слух его» (о Владимире Мономахе; Лаврентьевская летопись, под 1125 г.). Ср. Ипатьевскую летопись под 1126 г.: «Преставися благоверный князь, христолюбивый и великий князь всея Руси, Володимерь Мономах, иже просвети Рускую землю, акы солнце луча пуцаая; его же слух произиде по всем странам». Аналогичные характеристики всесветной славы дают летописи сыну Мономаха — Мстиславу, его внуку — Юрию Долгорукому. Эта «эстетика дистанций» сказывается во всех случаях, когда говорится о славе и чести. Изяслав, согласно летописи, обращается к своей дружине: «Братья и дружино! Бог всегда Рускы земле и Руских сынов в бещестыи не положил есть; на всех местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чюжими языки дай ны бог честь свою взяти» (Ипатьевская летопись, под 1152 г.).

«Слово о полку Игореве» постоянно говорит о славе и именно в этих широчайших географических размерах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копя свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу Киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы.

Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «грозы»: они текут по Русской земле, воспринимаются в крупных географических пределах, почти как нечто материальное и ландшафтное.

То же мы видим и в летописи, где печаль может охватывать города и княжества. Летопись говорит, что после поражения на Калке «бысть плачь и туга в Руси и по всей земли, слышавшим сию беду» (Лаврентьевская летопись, под 1223 г.), «и бысть вопль и въздыхание, и печаль по всем градом и по волостем» (Суздальская ле-

топись по Академическому списку, под тем же годом). При нашествии татар в 1239 г. — «тогда же бе пополох зол по всей земли и сами не ведяху и где хто бежить» (Лаврентьевская летопись, под 1239 г.).

«Лютое томление бесурменьское», тоска, печаль всегда изображаются «в ширину», они распространяются «по всей земле» или перечисляются города и княжества. Они подчиняются пространственному восприятию. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «чръна земля... тугою въздоша по Русской земли», «въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука», «Жля поскочи по Руской земли», «а въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми», «тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи», «уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче», и т. д. Печаль, горе хотя и растекаются по земле, тем не менее лишают людей простора. Тоска по древнерусским представлениям — «теснота», трудный жизненный путь, «тесный путь».

Представления летописи, «Слова о полку Игореве» и других древнерусских произведений XI—XIII вв. о печали, тоске, туге или веселии как о неких пространственных явлениях сами по себе глубоко архаичны. Они ведут свое начало еще от того времени, когда личность человека слабо отделялась от окружающего мира. Печаль, горе, веселие представлялись человеку охватывающими не только его, но и окружающий мир. Они казались существующими, как бы разлитыми в природе.

В период перехода к личностному сознанию стало обычным или даже обязательным обращаться в плаче к окружающей природе — горам, рекам, удолиям — с просьбой принять участие в горе, плаче совместно с человеком. «Горы и холмы, возвеселитесь со мной», «солнце, горы, холмы и красные дерева плодовиые, плачите со мною». В «Повести о разорении Рязани Батыем» (вторая половина XIII—первая половина XIV в.) в плаче князя Ингваря Ингоревича говорится: «О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною!».⁴ Эти обращения — знак того, что печаль и веселие стали отделяться от человека, но еще не порвали с природой своей традиционной связи. Архаическое сознание вливалось в стиль монументального историзма и здесь преобразовывалось. Стиль монумент-

⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском (тексты). — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1949, т. 7, с. 298.

тального историзма определяет собой и представления о человеке. Человек — это микрокосмос. Это ясно выражено в «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, в апокрифах — «Вопросы от скольких частей создан был Адам»⁵ и во многих других произведениях Древней Руси, переводных и оригинальных.

Характерная черта этого периода, мироощущения людей этого времени — это восприятие малого как некоей уменьшенной схемы большого.

Человек — это «малый мир». Жизнь человека — это «малая жизнь», «малая» по сравнению с большой и «настоящей» — вечной, которая предстает за гробом. «Клеть» (изба), в которой живет человек, — это малая церковь. Церковь же — это вся человеческая, «священная» история и все мироустройство.

Стремление увидеть в малом и преходящем большое и вечное — это способ восприятия мира, типичный для эпохи исторического монументализма. «В малемь семь жити взици вечныя жизни», — говорит автор «Слова некоего отца к сыну своему».⁶

Отразилось это и в апокрифе «Сказание, како сотвори бог Адама». В нем говорится, что бог «взем (взял, — Д. Л.) земли горсть ото осьми частей: 1) от земли — тело, 2) от камени — кости, 3) от моря — кровь, 4) от солнца — очи, 5) от облака — мысли, 6) от света — свет, 7) от ветра — дыхание, 8) от огня — оттепла» (тепло тела, — Д. Л.).⁷ Следовательно, мысли созданы «от облак». Отсюда мысль человеческая не прикреплена к телу, а свободно поднимается к небу, особенно тогда, когда человек думает о высоком. Эстетика дистанции сказывалась и в представлении о том, что человеческая мысль не имеет определенного местопребывания в человеческом теле (в голове или в сердце), а способна возвышаться до парения в небе, под облаками и оттуда созерцать мир. В сердце сосредоточивались только страсти и воля: гнев,

⁵ Цит. по кн.: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 483. Ср. также статью «От чего составлен мир и малый мир — человек» в Кирилло-белозерском сборнике XVI в., № 101/1178, л. 261 об.

⁶ Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863, т. II, с. 439 и сл.

⁷ Сказание, како сотвори бог Адама. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862, с. 12.

любовь, желание чего-либо, храбрость, но самоотречение требовало молитвенного возвышения, так же как и всякая возвышенная мысль.

В «Шестодневе» мысль человека парит, летит с огромной скоростью, достигает неба. То же мы видим и в «Слове о полку Игореве»: «летая умом под облакы» — под теми именно облаками, из которых созданы человеческие мысли.

Приведу прекрасный пассаж из книги В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков»: «Сведения о мироздании древнерусский книжник приобретал из Шестоднева, где „слово шестыааго дъне“ повествовало о создании человека, особенно подробно описывая отличия человека от животных, постоянно подчеркивая, что только человек имеет „душу разумичну и съмыслену“. Его „мысль высока“, обходит „всю землю и выше небес“ всходит; его „ум“ пройдет „въздух и облакы минет, солнца и месяца и все поясы и звезды, етир же и вси небеса и том часе паки в телесе своем обрящет. Къма крылома възлете, кымь ли путь прилете, не могу исследити“ (л. 196—196 об.).⁸ О превосходстве мысли над зрением предупреждает Шестоднев, рассказывая о сотворении небесных светил: „Луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию, яже велми паче очесу истиннейши есть на истинное изобретение“ (л. 148). „Убогий человек“ пытается даже „мерить мыслями божию силу“, „измерила бо и е моя мысль, аще ли вышии е моеи мысли, и не доидет мой ум его“ (л. 155 об.). Итак, „мыслями“, „умом“ можно облететь и измерить и землю и небеса, только „божию силу“ мысль не способна измерить: не следует „хотети домыслити се человекымы мыслями недоведимых мыслей божиих“ (л. 104 об.). Но зато „мыслию“ можно „възити“ „к богу невидимуему“, „сквозе храм пролета ум и всю ту высоту и небеса, скорее мъжения очнааго прилетев“ (л. 199). Мысль летает быстрее взгляда — она видит и измеряет то, чего не видят „очеса“. Ум выше тела: „Тело бо воин есть, а ум кнез и царь“, и потому автор советует: „Мыслию пари... на высоту и разумное“ (л. 212). Ум „брьзо и без некакого расстояния приемле вещьное естество

⁸ Здесь и далее при цитировании «Шестоднева» листы указываются в тексте в скобках. (Примеч. В. П. Адриановой-Перетц, — Д. Л.).

истинных“, поэтому „ини от пръввых филозоф око душевное ум проваше“ (л. 217 об.).

В Изборнике Святослава 1073 г. русский книжник нашел поучение под заглавием: „Немесия епискупа Емесьскааго от того еже о естестве чловецьсте“, где он встретил те же суждения о силе человеческой мысли, преодолевающей пространство: „обилия пучины бо минуеть, небеса проходить мыслью, звездная пошьствия и расстояния и меры размышляеть“ (л. 134 об.). Сходное суждение читаем в поучении „Златоустааго от того еже от 45 псалмоса“: „Ум чловецьск въскоре бо обьходить вьсу землю, небесьная же и подьземльная, нъ несущтиемь, тьчью же умьную мыслью“ (л. 132). На этой оценке силы человеческой мысли строится поучение „Нусьскааго от оглашеника“, где доказывается, что свет и „солнечное“ тело, так же как божеское и человеческое в Христе, неразделимы, и только человек „мыслию же разделив, познаеть естестве“ (л. 15).

На фоне таких представлений о человеческом уме, о мысли созданные автором „Слова“ («Слова о полку Игореве», — Д. Л.) метафорические образы ума и мысли, которые летают, мысли, способной уносить ум „на дѣло“ или мерить поля, закономерны для XII в. и не являются неожиданными для читателя того времени. Нельзя не отметить, что ни одна из этих четких и вполне обоснованных мировоззрением начитанного автора XII в. метафор не нашла отражения в „Задонщине“. Слово „мысль“ находим здесь только в таких явно испорченных сочетаниях: „Не проразимся мыслию по землями“ (список ГБЛ, собр. Ундольского, № 632), но „потрезвимься мыслими и землями“ (список ГИМ, Музейное собр., № 2060)».⁹

Если мысль животных не может сама летать и охватывать огромные пространства, то зато сами животные, как и растения, служат символами тех или иных мировых явлений, явлений мирового значения или мировых размеров. И именно этому посвящен другой замечательный памятник стилистической формации монументального историзма — «Физиолог» и вся «физиологическая сага» средневековья (под последней я разумею средневековые повествования о том или ином символическом

⁹ Адрианова-Перетц В. П. «Слова о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 28—29.

значении животных, птиц, рыб, растений, драгоценных камней).

«Большой мир» и «малый мир», «вечность» и «малое время» (т. е. человеческая жизнь) — как в этих противопоставлениях определяются различия? Только ли здесь различие в величине, в протяженности, в длительности? Безусловно, нет! Различие здесь еще в том, что «большой мир», «большое время», вечность принадлежат к абсолютным ценностям. К большому стремится малое. Малое ценно только постольку, поскольку оно имеет отношение к большому, включает в себе элементы большого, является его символом. В сей малой жизни, на «этом свете», в человеческой истории следует искать и открывать элементы большого, т. е. стремиться заслужить вечную жизнь до смерти, в истории усматривать только то, в чем проявляется воля божия, в чем можно найти элементы «священной истории», и т. д. Следовательно, «большое» и «малое», «вечное» и «временное» не равноценны. Напротив, малое, временное ценно только постольку, поскольку в нем заключены элементы большого и вечного. Именно этим и объясняется внимание ко всему огромному, эстетическое восхищение пространствами, расстояниями, размерами, длительностью во времени, постоянное обращение к прошлому и стремление увековечить то, что наиболее ценно, с точки зрения религиозного сознания, в настоящем. «Материальные» размеры и «материальное» время натуралистически объединяются в средневековом мировоззрении со всем, что представляется человеку наиболее ценным, в том числе и эстетически.

Особенно значительными представляются расстояния по вертикали — «диада», в нынешней терминологии «оппозиция», «верх—низ». Человек — этот «малый мир» — включает в себе элементы «большого мира». Это прежде всего человеческий дух. Дух, мысль не могут поэтому быть удержаны в человеческом теле, но они не просто выходят за пределы тела, а, как мы уже видели, устремляются вверх, к небу, под облака. Обычная семиотическая «оппозиция»: «человек — это культура, природа — это беспорядок» — совершенно не годится для Древней Руси. Хаос, беспорядок, «греховность» вносит в упорядоченный богом мир прежде всего человек. Человек мечется между добром и злом, он свободен в своем выборе (хотя у святого — «синергия», согласованность свободной воли с волей божественной, «согласие»). Именно человек вслед-

ствие своей греховности вносит в созданный богом мир неупорядоченное начало, разрушает божественный замысел. В природе же заключена божественная мудрость, воплощен его замысел, преподаны нравоучения людям. Природа — это книга, написанная перстом божьим для человека, для его наставления. Это ясно в таких излюбленных сочинениях Древней Руси, как «Физиолог» и «Шестоднев». Поэтому, желая «спастись», избыть свою греховность, подвижники уходят в «пустыню», т. е. удаляются от людей, к зверям, в лес, чаще на берег тихого озера. Именно в природе порядок, согласованность и божественная воля. Не годится для средневековья и другая «оппозиция»: «мертвая природа—живая природа». Вся природа «жива». И драгоценные камни несут, согласно «Физиологу», такое же, как и звери, нравоучение людям. Природа вся «живая», иначе говоря, преисполненная божественного смысла. Характерно, что божественный замысел воплощается в природе не столько в микроформах, сколько в макроявлениях: круговорот в мире воды и воздуха, весенние и осенние перелеты птиц, годовые передвижения рыб (их расселение в морях и реках), устройство мира в больших объемах. В этом сказывается монументализм мировосприятия. В «Слове о создании Адама» восхваляется красота созданного богом мира: «Егда бог створи вселеную, украси небо солнцемь и звездами, и землю тако ж украси реками, источники, препояса ю цветы и сады увяз, и море песком огради, и всяку лепоту миру положи».¹⁰

Если оппозиция «человек — культура, а природа — хаос, антикультура» никак не годилась для средневекового монументально-исторического сознания, то другие семиотические оппозиции, вернее диады, напротив, очень важны для средневековья. Прежде всего «верх—низ», небо—земля. Мы видели, что мысль человека, его ум, как бы отделяется от него и «носится» под облаками, поднимается высоко в поднебесье. В этом одно из важнейших проявлений монументализма мировосприятия.

Также очень характерна для средневековья и для Древней Руси и другая диада: «свое—чужое», «знаемое—незнаемое», «христианское—языческое» и проч. Эта диада сказывается в названии «чужих» народов — они «незнаемые», они «немцы» — немые, их страна «незнаемая», они

¹⁰ Цит. по кн.: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия..., с. 487.

приходят «из невести». Характерно, что и для «Слова о полку Игореве» «поле» — «незнаемое», в нем идут войска «неготовыми дорогами», но природа на стороне русских.

Монументализм XI—XIII вв. имеет одну резко своеобразную особенность, отличающую его от наших представлений о всем монументальном.

Мы привыкли под монументальностью понимать не только все большое, но и инертное, тяжелое, неподвижное, устойчивое. Однако монументализм XI—XIII вв. был связан с прямо противоположным: с быстротой передвижения в больших географических пространствах.

Монументализм домонгольской Руси, ее искусства, ее представлений о прекрасном — это прежде всего сила, а сила выражается не только в массе, но и в движении этой массы. Поэтому монументализм этот особый — динамический. В широких географических пространствах герои произведений и их войска передвигаются быстро, совершают далекие переходы и сражаются вдали от родных мест. Даже оставаясь неподвижными, в церемониальных положениях, князья как бы управляют движением, происходящим вокруг них.

Летопись повествует о походах, битвах, переездах из одного княжества в другое. Все события русской истории происходят как бы в движении. Мономах пишет в своей автобиографии о том, что он «нестижды», т. е. более стар, ездил из Чернигова в Киев, и ставит себе в заслугу быстроту своих передвижений (он гнался за Олегом «о двою коню»), многочисленность своих походов: «а всѣх путей (походов, — Д. Л.) 80 и 3 великих, а прока не испомню меньших». Он отмечает, что ходить в походы он стал с 13 лет и что и в них не давал себе «упокоя» — «сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ».

Так же точно смотрели на пространство и в быту. Победа над врагом — это обретение пространства. Повествуя о победах половцев, летописец пишет: «... а сим поганым и ругателем на семь свете приимшим веселье и просторонство» (Лаврентьевская летопись, под 1096 г.). Побеждая, враги прежде всего распространяются по завоеванной земле: «Татарове же *россунушася* по земли» (Лаврентьевская летопись, под 1252 г.).

А поражение или пленение — это прежде всего потеря пространства. Пленение, кроме того, — это разлука: разлучаются односельчане, разлучаются братья, пленен-

ных разводят в разные стороны. «Повесть временных лет» рассказывает под 1093 г., как половцы разделили пленников между собой и как, ведомые в плен, они со слезами отвечали друг другу: «Аз бех сего города», а другие — «Яз сея вси» (т. е. села). Под 1146 г. летопись рассказывает, как потерпевшие поражение «разлучишася друг от друга» (Ипатьевская летопись). Под 1262 г. говорится, что татары «дши (души) крестьянския раздно ведоша» (Лаврентьевская летопись).

Так же точно разлучаются в летописи и в «Слове о полку Игореве» Игорь и Всеволод: «ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы» («Слово»); в летописи они «разведени быша» и тоже разлучились. Характерно, что, каясь в плену, Игорь так говорит о последствиях своих междоусобных войн: «... тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни, *отлучаеми* отець от рожений своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих» (Ипатьевская летопись, под 1185 г.).

Если для нового времени с его личностным сознанием пленение — это потеря свободы, то для коллективистского сознания XI—XIII вв. пленение — это разлука: разлука и одновременно потеря родины, увод в плен с общей родной земли.

Пространство находится в общем владении.¹¹ Поэтому поражение — это потеря пространства, связанная с разлукой, а победа — обретение пространства, связанное с единением. Отсюда ясно, что призыв автора «Слова о полку Игореве» к единению князей особенно выразительно для своего времени сочетается с призывом к походу на половцев, к победе над ними.

Но вернемся к представлениям о быстроте передвижения в географическом пространстве.

Быстрота передвижения — это символ власти над пространством, в котором князь передвигается. Быстрота похода — символ овладения пространством.

¹¹ Под общим владением в крестьянском быту я понимаю общинное землевладение, в княжеском — общее владение Русской землей единым княжеским родом, восходящим к единому прадеду — Рюрику. Именно это сознание делало возможным передвижение князей из княжества в княжество путем «лествичного восхождения». Князь поэтому одновременно и связан со своим княжеством, и не связан с ним, переходя путем наследования с менее важного стола на более важный как «совладелец» Русской земли.

Могущество Романа Галицкого описывается в летописи прежде всего в образах движения: «... устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур» (Ипатьевская летопись, под 1201 г.).

Тот же динамический монументализм очень характерен и для «Слова о полку Игореве». Действующие лица переносятся в нем с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в быстрых переездах — Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Всеслав, обернувшись волком, достигает за одну ночь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка, и т. д. Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его «золотое слово» обращено с Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским князьям. Двигается не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет движением. Тоже и Ярослав Осмомысл: он высоко сидит в Галиче на своем златокованом столе, но его железные полки подпирают горы угорские, он мечет бремены чрез облака, рядит суды до самого Дуная, грозы его по землям текут, и он отворяет врата Киеву. В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения, центр этого вихревого движения. Эти церемониальные положения князей — типичная черта монументально-исторического стиля XI—XIII вв. Церемониальность — одна из черт монументальности. Образ князя, высоко сидящего на престоле, подчеркивает еще одну дистанцию — дистанцию феодально-перархическую между ним и остальными князьями.

Поэтизация средствами установления дистанций способна объяснить, почему автор «Слова» так героизирует в сущности слабого киевского князя Святослава. Важно, что он князь киевский, глава всех русских князей. Это возвышает его над всеми остальными князьями, делает его старым, мудрым и сильным. Он предстает перед читателями высоко «на горах» и высоко по своему феодальному положению, в ореоле иерархической дали.

Еще одна дистанция чрезвычайно характерна для стиля монументального историзма: это дистанция во времени, дистанция историческая.

Там, где в искусстве динамизм, обычно вступает в силу и историческая тема, появляется обостренный интерес к истории. Движение в пространстве тесно связано законами стиля с движением во времени.

Огромный интерес к истории пронизывал собой изобразительное искусство и литературу XI—XIII вв. Религиозная живопись была по преимуществу религиозно-исторической. Новозаветные и ветхозаветные события и персонажи, события и персонажи церковной истории — основные сюжеты стенных росписей и икон.¹² В литературе также главные темы распределяются вокруг священной, всемирной и русской истории. О преобладании исторических интересов в литературе свидетельствует и широкое развитие в Древней Руси летописания с таким великолепным произведением во главе, как «Повесть временных лет».

Но преобладание истории в стиле монументального историзма не только сюжетное и тематическое: историческая дистанция — это средство поэтизации. Для того чтобы объект литературы приобрел в XI—XIII вв. поэтичность, был поэтически возвышен, нужна была не только пространственная и иерархическая дистанция, но и историческая.

Событие и действующее лицо, представленное в ореоле истории, приобретало особую «эстетическую внушительность», драматичность. Это наиболее отчетливо видно во всех случаях изображения в литературе поражений русских. В рассказе о взятии Владимира татарами в 1237 г. в Лаврентьевской летописи мы читаем: «... створися велико зло в Суждальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко ж бысть ныне». В описании взятия Киева Рюриком и ольговичами в той же летописи под 1203 г. говорится: «... и створися велико зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещенья над Киевом. Напасти были и взятъя, не яко же ныне зло се остася». О битве на Калке говорится: «... и бысть победа на вси князи рустии, ака же не бывала от начала Русьской земли никогда же» (Суздальская летопись по Ака-

¹² Наиболее подробно об историзме изображений из «священной истории» в древнерусском искусстве пишет Г. К. Вагнер в книге «Проблема жанров в древнерусском искусстве» (М., 1974, с. 83—99). О средневековом историзме древнерусской литературы неоднократно писали В. П. Адрианова-Перетц и автор этих строк.

демическому списку, под 1223 г.). Почти в тех же выражениях говорится о битве Игоря и в «Слове о полку Игореве»: «То было в ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!».

Мы можем довольно четко установить в «Слове» ту «временную дистанцию», которая требуется его автору, чтобы опоэтизировать современность, — это приблизительно один век или чуть меньше.

Для того чтобы опоэтизировать события, современные автору «Слова», он привлекает русскую историю только XI в. События XII в. для этой цели не годятся, и они для этой цели нигде им не привлекаются. В самом деле, свои поэтические сопоставления автор «Слова о полку Игореве» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI в. Автор «Слова» вспоминает певца Бояна — также XI в. История XII в., предшествующая походу Игоря, как бы отсутствует в «Слове» — эстетически она не нужна. Она слишком близка к событиям Игорева похода.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Конечно, представления об истории были представлениями своего времени, и измерения этого исторического времени были не столько летописными, сколько эпическими. «Слово о полку Игореве» не называет точных дат тех или иных событий, что было обязательным для летописи, зато постоянно говорит о «дедах» и дедовской славе. Такое определение времени также часто встречается в летописях.

Отцы и главным образом деды также очень часто упоминались в проповедях, поучениях, житиях и летописях, особенно тогда, когда автор хотел выразить свое эмоциональное отношение к их потомкам, или тогда, когда он хотел сравнить деяния их потомков с деяниями отцов и дедов. Отцы, деды и прадеды — это всегда некоторое мерило добродетелей и «славы» их сыновей, внуков и правнуков.

Митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати», восхваляя Ярослава Мудрого, обращается к его предкам — славит его отца, деда и прадедов. Он говорит о его предках: «иже славятся ныне и слывут». Владимир Мономах вспоминает в «Поучении» о том, что было «при

умных дедех наших, при добрых и при блаженных отцах наших».

Пример отцов и дедов, обычаи отцов и дедов, их наследие, слава отцов и дедов и, наконец, полужызычная молитва «дедня и отня» постоянно упоминаются в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков.¹³

«Слово о полку Игореве» буквально наполнено проявлениями культа предков — дедов и прадедов, но по преимуществу через головы отцов. Оно и понятно, если принять во внимание характерную для этого времени «эстетику дистанций», требовавшую промежутка времени большего, чем его давало обращение к отцам и к их славе.

В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольговом гнезде» (Олег — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци», русское войско — «силы Дажьбожа внука», Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонит в «прадѣдную славу», Изяслав Василькович притрепал славу деду своему Всеславу Полоцкому — внуки последнего призываются понизить свои стяги — признать себя побежденными в междоусобных бранях, и т. д. и т. п.

Не случайно поэтому и сами русские называются в «Слове» «русичами», что вызывало иногда недоумение исследователей. Однако форма эта — «русичи» — характерна для племенных названий, подчеркивающих происхождение от легендарного предка; «радимичи» — потомки легендарного Радима, «вятичи» — потомки легендарного Вятки.¹⁴ В названии же «русичи» подчеркивается просто, что они «одного деда внуки», а дедом их назван Дажьбог. И в этом проявляется временная эстетизация, столь типичная для «Слова».

Стиль монументального историзма, властно подчинивший себе не только изобразительное искусство, зодче-

¹³ О культе предков в княжеской среде XI—XIII вв. и о неканонических молитвенных обращениях к отцам и дедам см. в превосходном исследовании В. Л. Комаровича «Культе Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв.» (Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1960, т. 16).

¹⁴ См.: Соловьев А. В. «Русичи и Русовичи». — «Слово о полку Игореве» — памятник XII века / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1962, с. 276—299.

ство и литературу XI—XIII вв., но и все вообще эстетические представления, игравшие серьезную роль в феодальном быте, не ограничивался, само собой разумеется, только принципом эстетизации дистанций — пространственных, временных (исторических) и иерархических.

Историчность монументального стиля соединяется в нем со стремлением утвердить вечность. Вечность не противоречит движению. Это не неподвижность. Библейские события — историчны и вечны одновременно. Христианские праздники существуют в данный момент священной истории и одновременно существуют в вечности, они повторяются ежегодно, ибо праздник — это не только воспоминание о событии, но и его повторение. История и вечность составляют в средневековье некое диалектическое единство. В отношении эстетическом это единство осуществляется через церемониальность. Средневековая церемониальность и этикетность — это попытка эстетически утвердить вечное значение происходящего и заявить о значительности события.

Поэтому одной из существеннейших сторон монументально-исторического стиля была именно церемониальность, я бы даже сказал — демонстративная церемониальность, хотя церемониальность всегда в той или иной мере рассчитана на демонстрацию и поэтому демонстративна по своей сути.

Церемониальность находилась в прямом соответствии с монументальностью литературы. Она требовала репрезентативности, торжественности, крупных форм, рассчитанных на коллективного зрителя, читателя и слушателя. Она требовала не столько изображения действительности, сколько ее эстетического оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам.

Литература XI—XIII вв. была церемониальна по формам своего применения, по художественным средствам, к которым она прибегала, по темам, которые она для себя избирала.

В чисто эстетическом плане главный жанр литературы этого периода — ораторский.¹⁵ Ораторское выступ-

¹⁵ Понятие «главный» — относительно. В данном случае я имею в виду аспект эстетический. В общественном аспекте «главными» для этого периода следует признать исторические жанры: летописи и исторические повести.

ление было в этот период частью церемониала — церковного и светского. Частью церковного церемониала были жития святых и сочинения гимнографические. Летописи не предназначались для церемониала, но они в известной мере были церемониальным освещением событий, отбором событий для увековечения их, который также представлял собой известный церемониал. В народном творчестве церемониальное значение имели славы и плачи. Одни предназначались для встреч князей, для их прославления при вокняжении, другие — для похорон и воспоминаний.

Литература и фольклор, таким образом, входили в церемониалы и вместе с тем церемониально оформляли изображаемое.

Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу «княземь» на своем струнном музыкальном инструменте.

Славу поют иноземцы (немцы, венецианцы, греки и моравы) великому Святославу. В «Слове» говорится о плаче русских жен, о пении славы девицами на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан или упомянут в «Слове о полку Игореве» ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «звенить слава въ Киевѣ... стоять стязи в Путивлѣ». Как на параде, с оружием на изготовку проносятся в «Слове» «свѣдоми кѣмети» — куряне. Игорь вступает в золотое стремя — момент также церемониальный. После первой победы Игорю подносят черлennyй стяг, белую хоругвь, черленую чолку, серебряное стружие — момент несомненно обрядовый. В церемониальном положении изображен «на борони» Яр Тур Всеволод. О пленении Игоря сообщено как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кощеево. В церемониальных положениях изображены в «Слове» Всеволод Суздальский, Ярослав Осмомысл на своем златокованом столе высоко в Галиче, а также окруженный на горах киевских боярами, подающими ему советы, Святослав Киевский. Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого — он добывает себе Киев — «девицу любу», скакнув на коне и дотронувшись стружием до золотого киевского стола, что напоминает

сватовство к невесте в русской сказке (Иванушка скачет на коне и успевает снять кольцо с руки у царевны, сидящей высоко в тереме). Церемониален плач Ярославны. Она плачет открыто, при всех, на самом высоком месте своего Путивля — на городских забралах, откуда открывается простор Посеймья. Наконец, завершается «Слово» великолепной церемонией въезда Игоря в Киев и пением ему славы в разных концах Русской земли.

Следует учитывать при определении жанра «Слова о полку Игореве» эту его церемониальность. Древняя русская литература, особенно в этот период, знала очень ограниченное число произведений, предназначенных только для одиночного читателя, читающего «про себя». Читали обычно вслух¹⁶ и в определенные моменты жизни. Несомненно, что и «Слово» должно было для чего-то предназначаться: не исключена возможность, что это было ораторское произведение для произнесения и для какого-то светского церемониального момента, как это думал И. П. Еремин, но вероятнее, что это было соединение плача и славы. Такое объединение жанров вполне допустимо, и оно наличествует, например, в «Слове о гибели Русской земли». Пока для окончательного решения вопроса о жанре «Слова о полку Игореве» материала еще мало. А приводимые И. П. Ереминым признаки ораторского жанра в «Слове»¹⁷ распространены во многих произведениях этого периода, в том числе и в тех, которые не принадлежали к ораторскому жанру. Ораторские приемы встречаются в летописях и житиях, в «хождениях» и исторических повестях (особенно в повестях о княжеских преступлениях).

Монументальность и церемониальность всегда связаны с традиционностью. Церемониальность традиционна по самой своей сути. Чем дальше вглубь времени уходят обряд или церемония, тем они торжественнее. Поэтому церемониальные одежды всегда старинные, а церемониальные формы держатся десятилетиями и веками.

¹⁶ С книгами ассоциировалась прежде всего звучащая речь. Книгу читают вслух. Книга «шумит»: «уши уклоняй от зла слышания умныма же воину прилегая к шюмению святым книгам» («Слово некоего отца к сыну своему» из «Златой Цепи» (по рукописи XIV в.), цит. по кн.: Буслаев Ф. Историческая христоматия... с. 482).

¹⁷ Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 144—163.

Монументальность, особенно монументальность историческая, должна быть поэтому традиционна. Все три особенности (монументальность, историчность, традиционность) как бы поддерживают друг друга. Это определенная система.

К сожалению, у нас очень мало данных, чтобы судить о том, насколько традиционны многие формы в том жанре, в котором было создано «Слово о полку Игореве». Однако эти данные все же отчасти есть. С одной стороны, мы встречаемся с образами, метафорами, оборотами «Слова о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской народной поэзии нового времени, а это само по себе свидетельствует о том, что все они были — не только в народной поэзии, но и в самом «Слове» — глубоко традиционными. С другой стороны, поэтические образы в «Слове» тесно связаны с образами, лежащими в основе политической (феодалной) и военной терминологии его времени, и это опять-таки говорит об их традиционности. Образы не придумывались, не изобретались автором «Слова» — они брались из жизни или стали традиционными в литературе, но также в свою очередь восходили к феодальной и военной терминологии.

В свое время я уже писал о терминологическом происхождении таких образов «Слова», как «итти дождю стрѣлами», «вонзить свои мечи верезени» (прекратить военные действия), «понизить стязи свои» (сдаться), «всесть на свои брѣзья комони» (выступить в поход), «въступити в стремя» (выступить в поход), «высѣсть из сѣдла злата, а в сѣдло кощиево», «отворить ворота» (впустить врага в город или завладеть им), «не крѣсити» (в формуле отказа от мести), «въстала обида», «иссушить потоки и болота» (захватить землю по рекам) и некоторые другие.¹⁸

Монументализм XI—XII вв. связан с целым рядом и других признаков и свойств. Монументализму свойственна особая лаконичность и краткость — «церемониальная геральдичность». В произведениях монументального стиля обычно мало орнаментики, они требуют выразительности при немногословии. Это касается, например, характеристик людей и населения той или иной мест-

¹⁸ См.: Устные истоки поэтической системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве»: Статьи и исследования / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

ности. В летописи такая лаконичность и «геральдичность» в характеристиках постоянна. Владимирцы говорят о ростовцах: «то суть наши холопи каменъници» (Лаврентьевская летопись, под 1175 г.). Об ольговичах и половцах говорится в летописи, что они «скори бяху на кровопролитъе» (Ипатьевская летопись, под 1151 г.), «перяяславци же дерзи суще» (Лаврентьевская летопись, под 1169 г.), «смоляне дерзи к боеви» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1216 г.) и т. д.

В «Слове о полку Игореве» куряне — «свѣдомые кмети», ольговичи — «храброе гнездо», полки Игоря «храбрые», полки Ярослава Осмомысла «железные» и проч.

Особую роль в церемониальном, монументальном стиле литературы играли афоризмы, приписываемые обычно каким-то древним мудрецам или просто вкладываемые в чьи-то уста: «Яко инде глаголетъ: „Скырт река злу игру сыгра гражаном“, тако и Днестр злу игру сыгра Угром» (Ипатьевская летопись, под 1229 г.); «Выйде Филя, древле прегордый, надеяся объяти землю, потребити море, со многими Угры, рекшу ему: „един камень много горньцев избиваетъ“, а другое слово ему рекшу прегордо: „острый мечю, борзый коню — многая Руси“» (Ипатьевская летопись, под 1217 г.); «О, лестъ зла есть! якоже Омир пишеть, до обличена же зла есть, кто в ней ходить, конецъ зол приметъ; о злее зла зло есть» (Ипатьевская летопись, под 1234 г.); «якоже премудрый хронографъ списа: „якоже добродейня в веки светяться“» (Ипатьевская летопись, под 1257 г.). В «Слове о полку Игореве»: «рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“», «Рекъ Боянъ... „Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“», «Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“».

Одна из сторон церемониальности — истовая неторопливость, «степенность» и своеобразная полнота в перечислении всего того, что участвует в церемонии. Эта полнота преследует цели не столько информационные, сколько украшающие и напоминающие присутствующим о том, что входит в церемонию.

Церемония — это некоторый процесс, некое длительное, разворачивающееся в пространстве и во времени действие — действие, содержание и последовательность которого могут быть заранее известны не только церемониймейстеру, но и присутствующим. Особенно важна по-

этому в церемонии демонстрация неких равных или соподчиненных членов. В поминовениях умерших таково обычно перечисление мест, где они скончались: «Покой господи душа раб своих всех правоверных крестьян, умерших в градах, и в селех, и в пустынях, и на путях, и на мори...». В Служебнике Варлаама Хутынского говорится о тех, кто в беде: «Помяни господи сущая в пустынях, и в горах, и в пещерах, и в распаданиих земных». Еще красноречивее эта полнота перечисления в Служебнике Варлаама Хутынского несколько ниже: «Помяни господи предстоящая люди и оставшая потребных вин дея, и помилуй я и нас множеством милости твоея. Клетн (избы, — *Д. Л.*) их наполни всякого блага, подружнн (мужей и жен их, — *Д. Л.*) их в мире и в единении съблюди, младенца их въспитай, уность накажи (научи, — *Д. Л.*), старость поддержи, малоденныи утешн, расеянныя събери, блудящая приведи и совъкупи с святою и апостольскою церковью твоею, нудимыя дхуы нечистыми свободн, с плавающнми плавай, со в пути ходящнми шествуй, вдовицамъ помощннк будн, снрым заступннк, пленныя избавн, болящая исцели, и сущая на суднщн и в родах и в поточеннях и в лютых работах, и во всякой скорбн и беде и нужн сущнх поминай боже и вся требующая великаго твоего милосерднн и любящая ны и ненавидающая».¹⁹

Вот еще один пример из Изборника Святослава 1076 г.: «Въстени акы мытарь, прибегнн акы блудный, умнли ся акы Ахаав, плачнся акы Петр, зовн акы хананынн, предъстои яко вдовиця, моли ся акы Иезекнн» (л. 50 об.—51).²⁰

В летописн описывается татарское нашествне. Татары прншли на Рязань, требуя у рязанскнх князей «десятнны во всем: в князех, и в людех, и в конех — десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжнх, десятое в пегнх» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1237 г.).

В «Слове о полку Игореве»: «Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружнне — храброму

¹⁹ Цнт. по кн.: *Буслаев Ф.* Историческая хрнстоматнн... с. 91, 96—97.

²⁰ Изборннк 1076 г./Издание подготовнли В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровнна, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. Далее ссылки на лнсты даются по этому изданию в тексте.

Святъславличю», или: «дивъ. . . велить послушати — земли незнаемѣ, Влзьѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню», «Орьтьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити», «съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реугы, и съ ольберы».

Разные формы перечислений в произведениях литературы этого периода нуждаются в специальном изучении, особенно в связи с проблемой ритмики.²¹ С точки же зрения стилистического требования полноты, столь характерного для монументально-исторического стиля, стоит сопоставить эти перечисления со стремлением в «золотом слове» Святослава обратиться ко всем русским князьям поименно. Если практически достаточно было бы просто призвать всех русских князей как единое сообщество, не перечисляя каждого, выступить в объединенный поход против половцев, то чтобы придать обращениям церемониальность, необходима была именно их «полнота»: обращение к каждому из князей лично. Князь киевский Святослав обращается к князьям, соблюдая феодальный этикет и — своими повторениями — приличествующую торжественности церемониальность. Весьма важно отметить, что перечисления в «Слове о полку Игореве» надают на те объекты, которые требуют именно церемониальности: дань, добыча, народы и племена («черниговские были»: «съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реугы, и съ ольберы»), покоренные страны («Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела»), народы, поющие славу Святославу («ту нѣмцы и венецици, ту греци и морава»).

С этим стремлением к полноте перечислений тесно связан и самый прием композиции произведений. Для монументально-исторического стиля был характерен анфиладный принцип построения произведений. Новые и новые части как бы механически присоединялись к предшествующим и сохраняли при этом в известной мере свою самостоятельность. Произведение складывалось из неких блоков текста. Так, например, жития святых дополнялись в последующее время описанием чудес в несколько отличной от основной части жития форме. За чудесами могли следовать различные части службы святому, похвала ему, молитва и проч. Присоединение напоминало

²¹ См. об этом: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 37—40.

иногда нагромождение. Но это «нагромождение» отличалось известной монументальной динамичностью: это были не вставки в текст, а присоединения к тексту. Текст разрастался во времени и «по горизонтали». Отдельные части произведения были разновременны: посмертные чудеса могли присоединяться в течение нескольких веков и охватывать события нескольких веков. Такой анфиладный принцип композиции произведений монументально-исторического стиля сильнее всего сказывался в летописи. Летописные своды, летописные годовые статьи, которые могли постепенно присоединяться к основному тексту, служат великолепной иллюстрацией анфиладного принципа построения произведений монументально-исторического стиля. Этому же способствовало то обстоятельство, что изложение основных событий произведения совершалось всегда в строго хронологической последовательности. Если повествование событий забегаало вперед или возвращалось назад, то только для «предчувствий» будущей катастрофы или для приведения исторических аналогий в прошлом — аналогий, которые служили и объяснениями. Однако ряд событий, служивших основной темой произведения, всегда излагался в строгой хронологической последовательности.

Анфиладный способ построения произведений пронизывал собою не только композицию произведений, но и синтаксис произведений этого времени, в которых сочинение (паратаксис) преобладало над подчинением.

Наконец, для монументально-исторического стиля характерна и особая тематика произведений.

Новейшая поэзия не имеет особо выделенной категории явлений, которые представляли бы собою как бы резервуар эстетических ценностей. В принципе современный поэт может эстетически сублимировать любое жизненное явление. В современной нам литературе почти отсутствует деление явлений самих по себе на эстетические и антиэстетические или внеэстетические. Эстетическим или антиэстетическим может быть только подход к явлениям жизни. Это закономерное следствие расширения сферы поэзии и уступки в ней первого места нюансам, обертонам, ассоциациям, позволившим вскрыть эстетические ценности в любом явлении и в любом понятии.

В средневековой литературе, напротив, первенствующее место занимает явление в своей основной сущности, главная функция явления, его всесторонность и как бы

всеобщность. Поэтому в средние века выделены определенные категории жизненных явлений, которые признаются эстетически ценными и откуда по преимуществу черпается поэтическая образность.

Это одно из проявлений того монументализма, который характерен особенно для XI—XIII вв., но проявление это сохраняет свое значение и в последующее время, хотя и подвергается постоянной эрозии, совершенно сменившей почву поэзии в новое время.

Иерархическое устройство общества отразилось в установленной в нем иерархии эстетических ценностей. В литературе эстетически ценно прежде всего все то, что связано с высшим светским слоем феодального общества. Именно светским, а не церковным. Это может показаться странным, но этому есть свои основания: внешнее и далеко не последовательное отрицание «земной» красоты черным духовенством.

Наиболее частое сравнение праведного поведения подвижника этого времени — с ратным трудом. В послесловии к Синодальному списку псалтири 1296 г. № 235 (ГИМ) писец пишет: «... аще убо воины Христови есмы путем истины туда должны есмы ходити, облекусь в броня веру Христову и в шлем крест его, щит же и копие в любовь его и мечь духа еже суть словеса божия, и станем на супостата яко добрии воины бдением и постомъ и молитвою с псалтырею смиреномудрии и луци и стрелы и сети и раны бывають врагу, точию не възнесемся в молитве нашей с псалтырею».²²

К этому мы еще вернемся. Сейчас же обратим внимание вот на что. Два княжеских дела считались в этот период наиважнейшими: война и охота. Именно о своих «путях» (т. е. походах) и «ловах» (т. е. охотах) рассказывает в своем «Поучении» Владимир Мономах. Те же два княжеских дела как наиважнейшие неоднократно подчеркиваются в летописи. О воеводе Тите в Ипатьевской летописи под 1289 г. говорится: «бьшеть бо у него (князя, — Д. Л.) воевода Тит, везде словый мужеством: на ратех и на ловех».

Красиво оружие воина, красиво все, что связано с боевым конем, красива княжеская охота — особенно соколиная. И даже тогда, когда нужно подчеркнуть величие дела церковного подвижника, он сравнивается с воином,

²² Цит. по кн.: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия..., с. 84—85.

его дело объявляется воинским делом и сам он — «воин Христов». «Красота воину оружие и кораблю ветрила», — говорится в «Слове некоего калугера о чь[тении] [к]ниг», включенном в Изборник 1076 г. (л. 2 об.). В том же Изборнике 1076 г. с оружием сравнивается молитва («велико оружие молитва», л. 229); с оружием же сравнивается человеческое тело: «оружье бо наше есть тело, а душа — храбъръ» («храбъръ» — богатырь, л. 240).

Образ воина, подобно Всеволоду Буй Туру, «стоящего на борони», — это также по-своему эстетически канонизированное представление о красоте. И опять-таки оно находит себе подтверждение в том же Изборнике 1076 г.: «любить князь воина стояштя и борющагося с врагы» (л. 216).

Все вышеприведенные цитаты взяты из статей сугубо церковного содержания, но эстетическим идеалом для каждого из монахов остается все же светский идеал воина, именно образ воина эстетически стоит впереди церковного подвижника.

О красоте оружия воинов неоднократно пишет и летопись, редко отвлекающаяся от строго деловитого изложения и аскетически обнаженная от всякой образности: «блистахуса щити и оружници подобни солнцю» (Ипатьевская летопись, под 1231 г.), «велику же полку бывшу его (Даниила Галицкого, — *Д. Л.*), устроен бо бе храбрыми людьми и светлым оружьем» (там же). Красоту оружия отмечает обычно и Хронограф: «якоже въставше слнце на златыа щиты и на оружиа, блистахуса горы от них».²³

Феодосий Печерский говорит в своем Поучении о терпении и милостыни: «... воину Христову лепо ли есть ленитися? Да или то они за тщую славу и изгыбающую не помнять ни жены, ни детей, ни имениа. Да что мню имение, еже есть хуже всего, но и главы свояе ни в что не помнять, дабы им не посрамленным быти».²⁴

О способности воина забыть о своих ранах в бою пишет и летопись. Даниил Галицкий в битве на Калке «младенства ради и буести, не чюаше раны бывши на телеси его» (Суздальская летопись по Академическому

²³ Хронограф БАН, 45.13.4; см.: *Истрин В. М.* Хронограф Академии наук 45.13.4. — Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, 1905, т. 13, с. 330.

²⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894, вып. 1, с. 39.

списку, под 1223 г.). Князя Мстислав Мстиславич и «Володимер» Рюрикович, «укрепляя» своих новгородцев и смоленцев, говорили им: «забудем, брате, домов, жен и дети» (там же, под 1216 г.). Радость, заставляющая война забыть в пылу битвы или после нее о своих ранах, неоднократно описывается в летописи и в других случаях. Ипатьевская летопись рассказывает о Романе Брянском под 1264 г., что, когда он отдавал «милую свою дочь, именовъ Ольгу, за Володимера князя, сына Василькова», он на радостях забыл о своих ранах: «И в то веремя рать приде Литовская на Романа; он же бися с ними и победи я, сам же ранен бысть и не мало бо показа мужество свое, и приеха во Брянскъ с победою и честью великою, и не мя ранен на телеси своемъ за радость». Точно соответствует этому идеалу воинской увлеченности сражением и образ Всеволода Буй Тура. В пылу битвы он забывает свои раны и своих близких: «Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая?».

Церемониальность многих сторон «Слова о полку Игореве» не совсем ясна для нас сейчас. Большинство обычаев забылось. Например, почему плачет Ярославна на «забралех» — не был ли обычаем плач на городской стене по погибшим в далекой битве? Или, может быть, важнее то, что «забрала» эти находились на берегу реки Сейма? Ведь на берегу Днепра оплакивает мать своего сына Ростислава и в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет» под 1093 г. В «Слове» «готские красные девы» поют на берегу моря, плещет «лебедиными крылы на синем море у Дону» дева обида, «дѣвици поють на Дунаи» и т. д. Не было ли обычаем петь и плакать именно на берегу? Не потому ли «Слово» подчеркивает, что поражение войск Игоря произошло «на брезѣ быстрой Каялы», т. е. в месте скорби.²⁵

Обращу еще внимание на одну сторону военных образов «Слова». Битва, как известно, сравнивается в «Слове» с жатвой, и этот образ обычно сопоставляется с аналогичными образами народной поэзии. Однако образ

²⁵ См. также соображения Л. А. Дмитриева о том, что само название реки Каялы происходит от глагола «каяти» (Дмитриева Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1954, т. 9).

этот существует и в книжности. Враги избивают людей, «аки на ниве класы пожинаху» (Суздальская летопись по Академическому списку, под 1216 г.), или о татарах: «а все людие секуще, аки траву» (там же, под 1238 г.).²⁶

Не случаен в летописи и противостоящий войне образ мирных пахарей, ратаев. Война — это прежде всего гибель пахарей. Ср. в речи Владимира Мономаха на Любечском съезде, обращенной к князьям с призывом защитить Русскую землю от набегов половцев: «и половчин приехав ударить ѝ (его, т. е. смерда) стрелою, а кобылу его поиметь» (Лаврентьевская летопись, под 1103 г.).

Переходим теперь ко второму слою эстетических ценностей — охоте, и при этом соколиной по преимуществу. Владимир Мономах начинает свою биографию со слов: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы с 13 лет» (Лаврентьевская летопись, под 1096 г.). Княжеский «труд» для Мономаха, как мы уже указывали, это «пути» (военные походы) и «ловы» (т. е. охота). Как одну из главных добродетелей князя называет охоту и Ипатьевская летопись. В ней под 1287 г. прославляется как охотник Владимир Василькович Волынский: «Бяшетъ бо и сам ловечь добр, хоробор, николи же ко вепреви и ни к медведеве не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь, тем же и прослул бяшетъ во всей земле, понеже дал бяшетъ ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всемь, за его добро и правду».

Вот почему в Древней Руси даже в сухое летописное изложение вторгается сравнение дружинников, стрельцов с соколами: «приехавшим же соколомъ стрелцемъ, и не стерпевъшим же людемъ, избиша е и роздрашася» (Ипатьевская летопись, под 1231 г.).

Восемь раз в «Слове о полку Игореве» употребляется образ сокола по отношению к князьям и воинам, образами охоты «Слово» буквально пронизано. Природа в «Слове» — это по преимуществу та природа, которая увидена глазами охотника.

²⁶ Аналогичные сравнения битвы с земледельческими работами имеются в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (были указаны А. С. Орловым, см.: Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1946, с. 41) в «Александрии» и в «Слове Иоанна Златоуста в неделю всех святых» (последнее указано в кн.: Трифуновић Ђорђе. Српски средњевијековни списки о кнезу Лазару и Косовском боју. Крушевац, 1968, с. 357).

Итак, церемониальность — одно из проявлений иерархичности, а иерархичность — характерный и важнейший элемент той «эстетики дистанции», которая составляет сущность и доминанту монументально-исторической эстетической формации. Не следует думать только, что иерархичность средневековой эстетики касалась только человеческого общества. В сознании средневекового человека вселенная и общество были построены по одному принципу — иерархическому. Это особая тема и очень большая. Напомню только о сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии».²⁷

* * *

Стиль монументального историзма XI—XIII вв. еще далеко не исследован. Предстоит еще многое сделать для выявления его особенностей. Эти особенности лежат не только в эстетических принципах. Существуют, по-видимому, и некоторые этические принципы, общие для произведений этого времени и тесно связанные с принципами эстетическими. Существует некоторое характерное для этого периода отношение между фольклором и литературой. Есть и известная эстетическая сосредоточенность на определенных темах, мотивах. Внимание людей этого времени выделяло в окружающем их мире однородный ряд фактов.

В целом многие традиции, обычаи, привычки сливались с эстетическими принципами, становились характерными для этого периода признаками стиля, пронизывавшего не только все искусства, включая литературу, но и весь жизненный уклад XI—XIII вв. Перед нами не столько стиль, сколько действительно «эстетическая формация».

Стиль монументального историзма был характерен для всех литератур восточных и южных славян в своей наиболее последовательной форме до XIII в. включительно. Многие роднит его с литературами Западной Европы и, разумеется, Византии. Но стиль этот не мог бы проя-

²⁷ Об иерархической организации космоса в представлениях раннехристианских отцов церкви (в частности, Климента Александрийского) см.: Бычков В. В. Из истории византийской эстетики. — Византийский временник, 1976, т. 37, с. 174—175 и др.

виться в столь яркой форме на Руси, если бы к тому не было особых исторических причин.

Откуда же явилась стилистическая формация монументального историзма? Чем объяснить ее появление и расцвет на Руси?

История человеческой культуры знает периоды особенно светлого взгляда на мир, периоды как бы удивления вселенной, когда восхищение окружающим становится как бы чертой мировоззрения и эстетического восприятия мира. Обычно — это периоды возникновения нового взгляда на мир, появления нового великого стиля в искусстве и в литературе, новой «эстетической формации». Человек открывает в мире какую-то новую, не замечавшуюся им ранее эстетическую, естественнонаучную или религиозную систему. Новое истолкование мира приносит и новое его открытие. Обнаруживаются связи и значения, ранее не замечавшиеся, обнаруживается какой-то новый ритм в мире, новая стилиформирующая доминанта, которые до глубины души удивляют человека. И это удивление перед тем, что все окружающее подчиняется новому мировоззрению, всегда бывает радостным.

Об оптимистическом характере первого (домонгольского) периода древнерусского христианства писали многие, прежде всего Н. К. Никольский²⁸ и М. Д. Приселков.²⁹ В качестве объяснения приводилось отсутствие в древнерусском христианстве аскетизма. Но это отсутствие аскетизма не может быть принято за объяснение, так как оно является в общем другой стороной того же самого. Объяснение лежит, как мне представляется, в изменении исторических условий.

Ранний феодализм прямо пришел у южных и восточных славян на смену родовому обществу. Это был огромный скачок, ибо славяне вместе с некоторыми другими европейскими народами миновали историческую стадию рабовладельческого строя. Христианство пришло на смену язычеству — язычеству, типичному именно для этого родового строя. В древнеславянском язычестве гнезился страх перед могуществом природы — природы, враждебной человеку и властвующей над ним. Вместе с феода-

²⁸ Никольский Н. К. О древнерусском христианстве. — Русская мысль, 1913, кн. 6, с. 12—14.

²⁹ Приселков М. Д. Борьба двух мировоззрений. — Россия и Запад. Исторические сборники под ред. А. И. Заозёрского, т. 1. Пг., 1923, с. 36—56.

лизмом и христианством пришло новое художественное познание мира, создавшее великий монументальный стиль искусства и новое отношение к окружающему миру.

Доминантой нового художественного отношения человека к окружающей природе явилось открытие значительности человека и человечества в окружающем его мире. Всемирная история, изложенная так, как она рассказана в первом произведении русской литературы («Речь философа»), обращенном к новопросвещенному народу (к русским), вся говорила о значении людей, о смысле их существования и о центральном положении человека в окружающем его мире. Отныне стало аксиомой, что человек — центр вселенной и именно в нем смысл существования мира. Первые южно- и восточнославянские произведения полны восторга перед мудростью мироустройства, но мироустройство это не замкнуто в самом себе: природа служит человеку, она не враждебна ему и именно потому прекрасна. Она помогает человеку материальными благами и через нее бог открывает человеку заповеди поведения. Природа содержит в себе притчи, нравоучения. Это — «второе Писание»: Таков «Шестоднев» и таков «Физиолог», в первую очередь.

Вселенная вся обращена к человечеству, сочувственно участвуя в его судьбах. Именно такое, отнюдь не узкоязыческое, а скорее эстетическое истолкование природы и ее участия в человеческих событиях найдем мы и в «естественнонаучной», и в исторической, и в проповеднической литературе XI—XIII вв.

Владимир Мономах пишет в «Поучении»: «Что есть человек, яко помниши и? Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, никак же разум человеческ не может исповедати чудес твоих; — и паки речем: велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляет силы твоея и твоих великих чудес и доброт, устроеных на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Зверье различнии, и птица и рыбы украшено твоим промыслом, господи! И сему чюду дивуемься, како от персти создав человека, како образи розноличнии в человекьских лицах, — аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кьи же своим лиць образом, по божиим мудрости. И сему

ся подивуемы, како птица небесная из ирья идуть, и первее, в наши руце, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всем землям, божиимъ повелениемъ, да наполнятся леси и поля. Все же то дал бог на угодые человеком, на снedy, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже та угодыя створил еси человека дея грешна. И ты же птице небесная умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоють, и человеки веселять тебе; и егда же не повелиши им, язык же имеюще онемеють».³⁰

В цитированном месте «Поучения» сказалось влияние «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского.³¹

Само по себе это знаменательно: на столетие раньше Болгария переживала то же «удивление миром», которое было затем столь характерно и для Руси, она раньше Руси прошла тот же путь к новому восприятию мира, опыт ее оказался для Руси особенно ценным.

Мономах пользуется не только «Шестодневом» Иоанна Экзарха Болгарского, но и цитатами из псалтири. Однако в сочетании с собственными наблюдениями над русской природой этот восторг приобретает у Мономаха особенно личный характер. Это не обнаженная литературная традиция — это традиция прикровенная, используемая для выражения вполне искреннего чувства.

Церковная и нецерковная литература домонгольской поры полна и другими приглашениями читателей «подивиться» или «почудиться» окружающей природе, мудрости мироустройства. Этот общехристианский мотив становится особенно характерным именно в первые века древнерусской культуры.

В. В. Бычков пишет о византийской гносеологии: «Это была гносеология объективно-идеалистического типа, главным предметом которой являлось познание не мира, но его идеальной первопричины, божества».³² Соответственно этому в древнерусской эстетике эмоционально главное заключалось в удивлении перед божественной мудростью, восторг перед величиной, красотой и мудростью мира.

Под влиянием этого «открытия» окружающего мира человек как бы расправил плечи, мир представился ему

³⁰ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950, с. 156.

³¹ Лихачев Д. С. Этическая система на Владимир Мономах. — Езык и литература, 1966, кн. 4, с. 10 и сл.

³² Бычков В. В. Из истории византийской эстетики, с. 160.

огромным, он потерял страх перед миром. Напротив, человек стремится теперь подчинить себе обширное окружающее пространство. Русь, объединенная в единое феодальное государство, одно из самых больших в тогдашней Европе, манит человека к далеким переездам и даже переселениям. Отсюда динамический монументализм мироощущения. Человек открывает и дальние страны, куда, как о том напоминала ему «Повесть временных лет», устремляли его большие русские реки и сношения с которыми облегчились теперь благодаря общей религии.

Тот же динамический монументализм характерен и для зодчества этого времени. Это — зодчество для человека, находящегося в пути. Церкви ставятся как маяки на реках и дорогах, чтобы служить ориентирами в необъятных просторах его родины. Архитектурные сооружения — это попытки освоить огромные пространства, подчинить себе окружающий ландшафт.

Отметить храмом крутой берег реки на изгибе и тем дать как бы маяк для едущих по реке (храм Покрова на Нерли), отметить храмом низкий берег озера при выходе из него реки и тем дать возможность корабельщикам найти этот выход (Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде), отметить храмом многочисленные пригорки в равнинной земле, сделать храмы заметными в любую погоду с помощью золотого верха, подчинить патрональной святыне окружающую городскую застройку — все это главные задачи зодчих. И далеко не безразлично зодчим, как их постройки будут восприниматься в движении, при приближении к ним. Облик храма должен оставаться неизменным на любом расстоянии и легко узнаваться издали. И. Е. Забелин пишет о верхах русских зданий: «В строительном искусстве вышина жилища... должна была выражать... первичное понятие о его красоте. Что было высоко, то необходимо само по себе было уже красиво».³³

Вместе с тем это был период открытия истории. В язычестве доминировал годовой круг праздников, оно не было связано с историей. Христианство принесло сведения о тысячелетних изменениях в судьбах многих народов мира. Представление о старине как о некоей единой эпохе, где происходит все героическое, сменилось

³³ Забелин И. Е. Русское искусство: Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900, с. 29.

взглядом на историю, в которой все совершается в определенные года «от сотворения мира». Разбивка событий на года в летописи, погодные записи явились одним из радостных открытий этого времени, и не случайно, что хронологические отметки, начинающиеся словами «в лето такое-то», стали обязательной формой рассказа о прошлом. История получала определенный мировоззренческий смысл и должна была принести с собой спасение человечеству.

На пути такого антропоцентризма менялись и отношения между художником и его созданием, между зрителем и объектом искусства. И это новое отношение уводило даже от канонически признанного церковью.

Бог прославляется нашими делами. «И кто не удивится, възлюблении, яко богу прославится нашими делесы?», — говорит Феодосий в «Слове о терпении и любви».³⁴ Но и бог прославляет человека церквами, иконами и церковной службой. Отсюда, с одной стороны, приглушенность личностного начала в творчестве, ибо в человеческом творении прежде всего проявляются боговдохновенность и богосозданность, но отсюда же, с другой стороны, величие и монументальность произведений искусства, их прославляющий человека характер.

Вопреки постановлению седьмого вселенского собора, установившего чествование икон и креста «по подобию», «ибо честь, воздаваемая образу, переходит к первообразному»,³⁵ Феодосий Печерский утверждает, что храмы и изображения созданы в честь «нам» — людям. Он призывает «с страхом стати безмолвно при стене, гласы немълчны възпевающе к Вышнему, иже нас грешных сподобил входа церковнаго, не имуще себе подълоры стены, ни стълпа, еже нам суть на честь створена...»,³⁶ и далее: «И в церкви боле того есть: на честь бо нам стълпи суть и стены церковныа, а не на бещестие».³⁷

Сказав о стенах и столпах церкви, как о «чести», воздаваемой человеку, Феодосий переходит затем к каждо-

³⁴ Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1947, т. 5, с. 174.

³⁵ Вениамин, архиепископ. Новая Скрижаль, 9-е изд. [б. г.], ч. 1, с. 69.

³⁶ Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1947, т. 5, с. 177.

³⁷ Там же, с. 178—179.

нию в церкви и снова подчеркивает обращенность и этого действия к человеку, к молящемуся. Аналогия с честью, воздаваемой человеку сооружениями зодчества, несомненна. Храмы и все их величество, богослужение — все это честь именно человеку. Для человека — клепание в била, призывающие его ко святой службе, для человека пение церковное, для него и образы, и кадило, к нему обращенное, и чтения евангелия и житий святых.³⁸

Нечто подобное находим мы и у Илариона в его «Слове о Законе и Благодати».

В своем слове Иларион обращается к умершему князю Владимиру с риторическим призывом встать из гроба и взглянуть на честь, которая ему оказана: «Отряси сон, взведи очи, да видиши какая ты чести господь тамо сподобив, и на земли не безпамятна оставил сыном твоим». Перечисляя эту честь, Иларион указывает на потомство Владимира — его сыновей, на цветущее благоверие и на град Киев «величьем сияющь», на «церкви цветущи».

Обращаясь к Владимиру, Иларион говорит: «... виждь град иконами святых освещаем». Иконы, изображения святых «освещают» град.³⁹

Церковь Благовещения — это не только честь богу и Владимиру, но и честь всем горожанам Киева. Восхваляя церковь Богородицы, «дивну и славу всем округным странам, якоже не обрящется во всем полунощи земнем от востока до запада», Иларион сравнивает ее с архангелом Гавриилом, давшим целование Девине: «Да еже целование архангел даст Девине, будет и граду сему. К оной бо: радуйся обрадованная, Господь с тобою. К граду же: радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!». ⁴⁰

Обращенность искусства к его создателям и ко всем людям в их честь стало идеологической доминантой в стилиформирующих тенденциях монументального искусства XI—XIII вв. Отсюда импозантность, торжественность, церемониальность архитектурных форм. Отсюда же столь бережно охраняемая перешедшая к нам из Византии обращенность изображений к молящимся, «предстояние» изображений не только за людей, но перед людьми. От-

³⁸ Там же, с. 179.

³⁹ Müller L. Des Metropolitens Ilarion Lobrede. Wiesbaden, 1962, S. 126.

⁴⁰ Там же, с. 124.

сюда «четырёхфасадность» церквей, обращенных на все стороны города, и их особая ориентированность на страны света (восток, запад, юг и север). Отсюда же монументальный стиль литературы, ее торжественность и парадность, строгая этикетность в выборе ситуаций и словесного выражения.

Стиль монументального историзма продолжался и в эпоху, когда политическая ситуация в Древней Руси не могла уже радовать русских людей. Однако стиль монументального историзма к этому времени укрепил свои корни, и он еще долго оказывал влияние на русскую литературу и искусство.

Стоит отметить одну замечательную особенность древней русской литературы — ее громадную историческую роль, которую она играла в течение периода феодальной раздробленности.

Монументально-исторический стиль как нельзя лучше служил идеям единения. Он позволял охватывать всю Русскую землю, обозревать ее как бы с огромной высоты как единое большое целое. Он позволял видеть ее единство не только в географическом аспекте, но и в историческом, ощущать единство ее происхождения. Этим идеям единения и единства служило не одно только «Слово о полку Игореве». Разве не о единстве говорили такие произведения, как «Слово о князьях», «Слово о погибели Русской земли» — это гимн Русской земле, ее былому могуществу и красоте перед лицом надвинувшейся опасности полного уничтожения ордами Батыя или немецким рыцарством. О том же единстве говорят и русские летописи во главе с замечательной «Повестью временных лет», с необыкновенным художественным и «источниковедческим» тактом трактовавшей вопросы, «откуда есть пошла Русская земля».

Экономические и политические связи русских княжеств долгое время были очень слабы. Объединяли Русскую землю главным образом чисто «духовные» связи: общий язык, общий фольклор, общие исторические предания и общая для всей громадной территории Руси литература. Многие произведения писались несколькими авторами в разных концах Русской земли. Летописи все время перевозились с места на место, переписывались для других монастырей и городов, дополнялись местными записями. Происходил обмен историческими сведениями между Новгородом и Киевом, Киевом и Черниговом, Пе-

реяславлем Южным и Переяславлем Залесским. В обмен летописными сведениями были втянуты такие отдаленные пункты, как Ростов и Галич, Галич и Владимир Волынский; эти два последних обменивались с Владимиром Залесским. Летописцы как бы искали друг друга. И именно благодаря этому обмену известиями почти вся Русь имела общие летописи, ощущала свое историческое единство.

Некоторые произведения возникали из переписки, которая велась между книжными пунктами, отстоявшими друг от друга на огромные расстояния. Из переписки, ведшейся двумя авторами, один из которых жил в Киеве, а другой во Владимире Залесском, возник великолепный памятник древнерусской литературы — Киево-Печерский патерик. Бывало и так, что сама книга писалась в Новгороде, а переплеталась в Киеве. Книжное общение крепло единство Руси в пору, когда другие связи были очень слабы.

Люди опасались одиночества, стремились к общению, к мирному покорению пространства. Среди бескрайних просторов степей или глухих лесов Севера у человека была потребность чувствовать себя соседом. Гостеприимство было одной из самых нужных добродетелей человека. И не случайно Владимир Мономах в своем «Поучении» призывал «привечать» гостя. Литературные произведения постоянно напоминали читателю о том, что он не одинок, что он принадлежит огромному народу, живущему на обширнейшем пространстве. Проблема пространства и его единства — это одна из самых актуальных проблем древнерусской культуры.

(Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. Загреб—Любляна, сентябрь 1978 г. М., 1978, с. 119—150)